

Мария Куциди

16+

Обличия Тьмы

Сборник

Мария Кущиди
Обличия тьмы

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Кущиди М.

Обличия тьмы / М. Кущиди — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-04300-8

КОШМАР ДОМА ЛИЛИЙ Пугающий дом с лилиями стал убежищем страшной истории, которую местные жители стараются не вспоминать. Никто точно не знает, что случилось там, но люди уверены, что нахождение в том доме ничего хорошо не принесет ни одному человеку. Но откуда взялись такие легенды? И что за зло скрылось за лесом?**ГАСНУЩИЙ** Проснувшись в неизвестном месте, главный герой постоянно вынужден давать отпор таинственному миру, в котором он заперт совсем один. Сложные тайны и загадки скрылись в давящей темноте, куда герой заходит все глубже, чтобы найти выход и понять, что с ним происходит.

ISBN 978-5-532-04300-8

© Кущиди М., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Кошмар дома лилий	6
Глава 1. Потеря	6
Глава 2. Боль	8
Глава 3. Новая жизнь	12
Глава 4. Долгожданная встреча	15
Глава 5. Живые стены	18
Глава 6. Новая школа	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Дорогие читатели, все в этом сборнике является частью того мира, которого мы с вами стараемся избегать, хоть иногда не можем перед ним устоять. Эти две истории не созданы для того, чтобы напугать вас. Они выполняют одну очень важную миссию, а загадки, оставленные мною для вас, составят вам хорошую компанию. До встречи на страницах!

Кошмар дома лилий

Глава 1. Потеря

Надвигалась гроза. Небо, затянутое черными тучами, было невероятно страшным и пугающим. Мы были далеко от дома, поэтому все, что мы могли сделать, – спрятаться в нашем самодельном шалаше, который мы построили всего час назад. Ветер свирепо завывал, гоня по полю пыль. Закрывая глаза руками, Езеф, подхватил меня на руки и еле как дотащил до нашего скромного укрытия. Забравшись в него, он стал звать Карла и Хосе, которые недавно ушли в лес за еловыми ветками для мощной крыши для нашего убежища. Он кричал около минуты, но никто так и не отозвался. Раскатистый удар промчался по мрачному небу, казалось, разрезав его пополам. Это напугало Езефа так, что он свалился на землю, покрытую сухой листвой. С неба начали падать крупные капли дождя.

– Подожди меня здесь. Не вздумай выходить на улицу. Я найду их и вернусь. Только не уходи никуда, пока гроза не закончится. Хорошо, Ханни?

Я боязливо посмотрела в глаза своего брата, опасаясь, что с ним может что-то случиться.

– Не бойся. – Он добро улыбнулся мне, крепко обняв. – Жди меня здесь. И, Ханни, гроза не может длиться вечно. Рано или поздно она закончится. Все заканчивается когда-нибудь. И это тоже.

Езеф выбежал из шалаша, исчезнув где-то в темноте леса. Я стала ждать его, сжимая ладони в кулаки. Мне было страшно. И я ничего не могла с этим сделать.

Вновь и вновь перематывая в голове слова брата о том, что он обещал вернуться, я успокаивала себя, поверив самой себе. Гроза с каждой секундой усиливалась. Ветер поднялся невероятно сильный, что мощные лапы деревьев ломались, мертво падая на мокрую, склизкую землю.

Уткнувшись лицом в ладони, я тихо шептала про себя имя Езефа, желая услышать, как он возвращается ко мне. Но дождь только перерастал в сильный ливень, лишая меня последней надежды на возвращение брата. Смешиваясь с ветром и раскатами молний, он был страшнее самого страшного чудовища, которого я могла когда-то себе придумать.

Шалаш постепенно начал раскачиваться в разные стороны. Подскочив на месте, я молила бога, чтобы ничего плохого не случилось. Перед глазами была темнота, да такая темнота, что увидеть перед собой ничего было нельзя. Казалось, сама вечная ночь опустилась на наш мир, в наш тихий уголок. Сердце мое сжималось, по щекам текли слезы. Я ничего не могла сделать, кроме как верно и терпеливо ожидать брата.

Прошло уже, наверное, около двадцати минут, как чьи-то шаги раздались рядом с шалашом. Езеф. Это должен быть он. Он возвращается! С этими мыслями я успокоилась. Слезы перестали бежать по щекам.

Я уже хотела обнять его, как в шалаше показались двое. Это были Карл и Хосе, два лучших друга Езефа. Они были все мокрые и грязные. Их одежда, казалось, намертво прилипла к их тощим телам. Светлые пряди Хосе совсем закрыли его темные глаза. Разодранная рубашка Карла мешком висела на нем. Непонимающе посмотрев на меня, они переглянулись, словно чего-то по-настоящему испугавшись.

– Ханна, а где Езеф? – Вопрос Карла сбил меня с толку.

Сердце бешено застучало.

– Он пошел искать вас, – тихо ответила я.

Голос мой дрожал. Самый худший мой кошмар подтвердился. Езеф пропал в пасти мерзкого чудовища – мрака.

Лица Карла и Хосе стали бледными, точно фарфор. Им было страшно, как и мне в этот момент. Не зная, где сейчас Езеф, я боялась за него больше, чем за саму себя. Трепетно сжимая в руках деревянный крестик, что висел у меня на руке, я просила бога, чтобы он помог Езефу вернуться. Не знаю, сможет ли бог помочь ему, но я бы очень хотела этого.

Гроза не унималась, она свирепо усиливалась, набирая новые силы для очередных раскатистых ударов о брэнное небо, сплошь затянутое серыми тучами. Наш шалаш уже едва сохранял свою устойчивость. Карл и Хосе пытались удержать его, чтобы он окончательно не развалился. Они молчали, точно сказать было нечего. Действительно, сейчас было сложно хоть слово выдать из себя. Где-то близко ударила молния.

Внезапно раздался хруст дерева. Я подскочила от страха, когда услышала этот болезненный плач сломанного деревянного тела. Увидев яростный страх в моих глазах, Карл обнял меня, закрыв мои уши своими холодными ладонями, по которым все еще скатывались капельки холодной воды, медленно скользя по моим щекам. Теперь я слышала все как в вакууме. Так мир казался мне таким ненастоящим и пустым... Впервые.

Молния ударила еще пару раз. А после пошло затишье. Ветер медленно унимался. Дождь и вовсе затих. Выглянув из шалаша, Хосе кивнул нам, сообщив о том, что теперь можно выйти. Покинув убежище, я надеялась увидеть Езефа, который мог возвращаться к нам, отсидевшись где-то в другом укромном месте. Но кругом была пустота. Карл и Хосе истошно звали его, но ответа от него не было.

Где-то вдали слышались тревожные голоса. Это были наши с Езефом родители, которые бежали к нам, освещая путь старым фонарем. Что с ними будет, когда они узнают о том, что Езеф пропал? Они будит грустить, и грусть эта будет самой тяжелой и болезненной.

В какой-то момент мне стало не по себе. Я не хотела возвращаться к родителям без брата, ведь он всегда был для меня целым миром, где я могла сокрыться от мира реального. Вырвавшись из рук Карла, я побежала в лес, надеясь, что сама смогу отыскать Езефа. Не знаю, что тогда мною двигало, заставляло пойти на такой неординарный и опасный поступок, от которого я была взаперти. Карл и Хосе тут же бросились за мной, пытаясь ухватить хотя бы за руку, чтобы не дать мне наделать всяких глупостей. Но они не успели даже ухватить меня. Оступившись, я упала, мигом покотившись с крутого яра в сторону реки.

Глава 2. Боль

Езеф был мне дорог. Я любила его, по-настоящему любила. С самого моего рождения я помню его голос, его вечно синюшные ноги, колени в синяках. Езеф был не только братом, но и другом, который не давал мне скучать и грустить. Он пообещал, что будет защищать меня, тогда я сказала, что буду оберегать и его. Помню, когда я сказала ему об этом, он от души засмеялся. И смех этот часто мне снился.

Проснувшись в больничной палате, я зажмурила глаза от яркого света лампы, который назойливо ослеплял меня. Повсюду был неприятный запах спирта и старости. Не люблю этот запах. Никогда не любила, потому что он сильно меня напрягал, опустошал мое детское сердце и заставлял думать о страшных, грустных вещах, думать о которых детям еще не нужно.

Осмотрев белоснежный потолок, в некоторых местах которого виднелись грубые черные трещины, я привстала с кровати. Голова мгновенно закружилась, и я повалилась назад, на белоснежные, дурно пахнущие простыни.

– Ханна, – тревожный голос мамы застал меня врасплох, – тебе нельзя пока вставать. Отдохни немного сначала. Нелегко тебе пришлось.

Подойдя ко мне, она присела на край кровати, поправив подушку у моей головы. Ее карие глаза были беспокойны, и это опечалило меня. Никогда еще я не видела ее такой.

– Мама, где Езеф? – Этот вопрос встревожил ее. – Он в коридоре? Ждет, когда ему разрешат войти ко мне? Да, мама? Так же? Я хочу увидеть его. Пожалуйста.

Некоторое время она молчала и лишь спустя пару минут ответила, крепко обняв меня, словно сдерживая от очередного глупого поступка, который мог мне в иной раз навредить.

– Его так и не нашли, милая. Наверное, он ушел слишком глубоко в лес. Но не переживай. Его ищут опытные люди. Они обязательно найдут его. А пока отдохни. Гроза миновала. Эх... кто же придумал бояться грозы?

Ее слова ударили меня по сердцу острым ножом. Я не знала, как мне реагировать на это. Сердце мое дрожало от испуга и тревоги. Я хотела снова увидеть брата, ведь он обещал, что вернется. А когда он обещал мне что-то, то всегда держал свое слово. Поэтому я просто не могла поверить, что Езеф пропал, не сдержав своего слова вернуться. Мне было одновременно больно и грустно. Но куда было девать все те чувства, которые скопились в моей груди? Куда нужно было спрятать бледность лица и этот подавленный огонек в глазах? Ребенок ведь не должен испытывать эти мерзкие удары жизни, так? Но неужели что-то сломалось в моей судьбе, и все перепуталось?

– Но он жив, мама? – резко спросила ее я; мой голос впервые звучал строго, даже как-то холодно и отчужденно. Мама удивилась моему тону, но не стала придавать этому большое значение. Сейчас такие мелочи были неважны.

– С ним точно все в порядке, не сомневайся. Не зря его все называют лесничим. Езеф прекрасно ориентируется в лесу и знает, где можно скрыться даже в самую страшную непогоду. – Мама еще сильнее обняла меня, не желая выпускать из своих нежных рук. Но эти объятия были больше похожи на удавку. – Вот увидишь: завтра он снова вернется к нам и будет рассказывать забавные истории. Все будет обычно, как мы все и любим.

Меня ничто не могло бы потревожить, и я бы поверила этим уверенным словам, если бы неуверенный дрожащий голос мамы звучал хоть капельку смело.

Доктор сказал, что беспокоиться мне незачем. Упав с яра, я лишь получила ссадины, синяки и небольшое сотрясение, которое не принесет мне вреда. Родители были рады услышать это от него, но мне, если честно, было все равно, что он скажет. Разве я могла в этот момент

заботиться о себе, когда от меня оторвали огромную часть моей жизни? Даже дышать было тяжело, осознавая это.

Подав мне какие-то пилюли, доктор сообщил о том, что я могу быть свободна. Посмотрев на прозрачную баночку медового цвета, я усомнилась в ее содержимом. Никогда не любила лекарства, даже от одного неловкого взгляда на них мой желудок точно заполнялся каким-то вязким железом.

– Это просто витамины. – Заметив мою настороженность, доктор легко улыбнулся. – Ничего страшного. Пей по одной в день перед приемом пищи, и тогда все будет замечательно. Хоть немного позаботься о себе. Родители волнуются. Помоги им. Это сейчас жизненно необходимо для всей вашей семьи.

Я ничего не ответила ему, только легко кивнула головой в знак согласия. Сунув витамины в глубокий карман джинсового платья, я поспешила выйти из палаты под странную мелодию переваливающихся в разные стороны круглых витаминов.

Я мечтала скорее покинуть стены больницы. Они угнетали меня, казалось, делали такой маленькой и несчастной, что слезы на глаза сами собой наворачивались, хоть я и вовсе не хотела плакать. Люди здесь были другими. Каждый из них был чем-то болен. У каждого здесь был диагноз. У каждого была своя боль, которую доктор обещал излечить. Люди в больнице казались мне какими-то странными. Их взгляд, их движения... Все в них меня пугало. Не знаю, в чем была причина моего странного отношения к ним, но, наверное, я видела их иначе, так, как никто иной не мог увидеть медленно угасающее лицо больного человека. Что это была за особенность? Чахлость, которую они преодолевают всеми силами, лишь бы снова стать здоровым человеком. Они цепляются за жизнь, борются. А кто-то проигрывает, принимая свою болезнь как должное, находя всевозможные способы ужитья с нею. Врачи пытаются помочь, подать руку, но не всегда удается угадать желание больного. Либо они цепляются за право быть живым, либо сдаются, собственной рукой обрывая тонкую ниточку, которая держит их в этой жизни. Не у каждого есть надежда. Не каждый может поверить. Я не была такой, как они. Я была здесь чужой, лишней.

В больничном мире я приняла роль гостьи, которая должна была задержаться здесь ненадолго. Взгляды врачей настораживают. Они словно что-то ищут в тебе, проходя мимо, постоянно сверля таким угнетенным, выискивающим и несчастным взглядом. Что у них за роль? Роль спасителей. Так говорит мама, когда разговор касается больницы. Я же не знаю, права она или же нет. У меня точной версии, мнения, которое бы точно могло рассказать о роли врачей в больничных стенах, нет. Все здесь странные. Вот, что думаю я, когда вижу больничных людей. У каждого своя цель, а надежда присуща лишь единицам.

Скоро двери больницы закрылись за нами. Я была невероятно счастлива покинуть это место. Родители молча сели в машину, словно сделав это механически, без капли какой-либо живости. Я поспешила занять свое место позади. О чем сейчас думают они? Не знаю, но, наверное, о Езефе, который был неизвестно где на данный момент. Мне хотелось бы, чтобы он вернулся и снова был с нами, был со мной и защищал, что у него отлично получалось.

Наша машина тихо припарковалась у большого дома, который достался нам в наследство от бабушки. Этот дом был очень большим. Стены его были отделаны камнем, а во дворе был огромный сад с лилиями, которые когда-то безумно любила бабушка. Она буквально лелеяла его, а вечерами, когда солнце уже медленно заходило в свой призрачный домик, напевала мою любимую колыбельную, и делала она так, словно во дворе был кто-то живой, кто-то из детей, которых она безмерно любила.

Это были красивые цветы, но мне никогда не нравился их запах. Я знала, как пахнут лилии, и этот запах был совсем на него не похож. Когда я говорила об этом бабушке, она смеялась, говоря, что запах этих лилий нужно понять, ведь он особенный. Но что особенного

было в этих светлых цветах? Только запах, который отпугивал меня каждый раз, когда я хотела найти в нем то очарование, о котором вечно твердила бабушка.

Таинственный цветок всегда встречал нас и провожал. Иногда мне даже казалось, будто он ждет нашего возвращения, причем ждет терпеливо. И это странное ощущение было сложным, пугающим временами. Правда, понять, пугает ли оно на самом деле или что-то прячет за этим чувством, было невероятно сложно. А бабушка ведь могла бы мне рассказать об этом больше. И она рассказывала, вот только я никогда не слушала ее.

Выйдя из машины, я невольно посмотрела в сторону пшеничного поля, которое заканчивалось густым лесом. Именно там, в начале леса, стоит наш полуразвалившийся шалаш, который Езеф с друзьями трудолюбиво соорудили вчера. От воспоминаний прошлого вечера становится страшно. Помню эту устрашающую грозу. Чувствую, она будет являться мне в самых лютых кошмарах еще очень долго, а затем – и всю жизнь.

За обедом родители молчали. Я же поддерживала это молчание, ковыряясь в овощном рагу, пытаюсь найти в нем хоть какой-то маленький овощ, бережно нарезанный моей мамой. Обычно она всегда трепетна в плане готовки, но сегодня в тарелках – крупно порезанные, огромные овощи, которые я едва могла проглотить. Лица родителей, кажется, ничуть не живые. Они словно застыли, как изваяния. Молчание висело в столовой. И было неловко его почему-то нарушать.

Когда я сдалась этому скверному неудобству, то поспешила поблагодарить маму за ужин, а после поспешила в свою комнату. Она медленно подняла на меня опустошенные глаза, сказав, что зайдет ко мне перед сном, чтобы пожелать добрых снов. Ее голос был подавлен, отчего сердце мое сжалось в какой-то жалкий комочек.

Качнув головой, я быстро покинула столовую, поднявшись на третий этаж, где и находилась моя уютная небольшая комната.

Меня беспокоят мысли о брате. Родители едва держат себя в руках, пытаюсь не сорваться. Им больно и грустно, как и мне самой. Потерять Езефа для всех нас было большим ударом. После ужина мы обычно бежали с братом в библиотеку, чтобы порыться в старых дедушкиных книгах, найти в них что-то особенное, о чем он мог забыть при жизни. У него была огромная библиотека с толстыми книгами, истории в которых жили своим чередом, каждый раз маня меня с братом к новым открытиям.

Удивительный, хоть и неприятный запах сигар по-прежнему наполнял собой стены, надежно зарывшись в старых узорчатых обоях. Находясь в этом месте, нам с братом казалось, что рядом с нами в этот момент находится бабушка, рассматривая свои любимые книги вместе с нами. Их у него было настолько много, что мы с Езефом терялись в их счете, когда решали пересчитать.

Эти пожелтевшие страницы всегда мне нравились. Когда листаешь их, возникает такое чувство, словно держишь в руках нечто особенно ценное, чего нет у других. Мне нравится называть это тайной, которую когда-нибудь я раскрою, прочитав все книги, собранные здесь бабушкой. Но сейчас мне не хотелось идти в библиотеку, не было желания даже думать о ней. Мы с братом ходили туда только вместе. Я не могу пойти туда одна. Так я предам его, ведь мы всегда были надежными хранителями старой дедушкиной тайны.

Через открытое окно я долго смотрела на поле, заканчивающееся лесом. Только с высоты можно увидеть, как вчерашняя непогода испортила пшеницу, буквально уложив ее на землю. Ветки деревьев были разбросаны всюду, да так, что эта картина отныне напоминала невероятный хаос. Где-то там стоит наш шалаш. Где-то там Езеф... Интересно, ищут ли его сейчас?

Надеюсь, завтра утром нам сообщат, что он найден. Это будет для нашей семьи лучшей новостью, которую можно только услышать. Ведь все ждут возвращения тех, кого любят просто, но откровенно. Да?

Я уже давно была в постели. Свет в коридоре приглушенно горел, освещая часть моей кровати. Я ждала родителей, как и всегда. Каждый раз перед сном они приходили ко мне, чтобы пожелать добрых снов. Я ждала их и сегодня, нетерпеливо бросая взгляд на настенные часы. Уже одиннадцать. Родители заходят ко мне в десять. Они не могли забыть, я знаю. Тем более мама сама обещала мне зайти ко мне, и она не могла нарушить слово. Никто в нашей семье не нарушал свои обещания, даже самые мелкие. А если мама действительно забыла обо мне? А если... Нет. Да сколько можно думать только о себе? Понимаю, глупо просить чего-то от родителей сейчас, когда наша надежда голыми ногами ходит по острию ножа, не то готовясь сорваться, не то наконец-то дойти до твердой поверхности. Если я по-настоящему люблю свою семью, то должна принять сейчас свое одиночество. Оно не будет длиться вечно. Все когда-нибудь заканчивается, как и та жуткая гроза, начавшаяся совсем внезапно.

Глава 3. Новая жизнь

Этой ночью мне снился кошмар, который целиком и полностью поглотил меня, как какое-то невероятное чудовище из самых страшных детских фантазий. Мне чудилось, будто я стою во дворе незнакомого мне дома, смотря в немую, беспроглядную даль, в которой все казалось до удущья мертвым и неестественным. Пшеничное поле было недвижно, даже легкий холодный ветерок не касался их золотистых макушек. Ровным шагом я направлялась в сторону пшеницы, шепча чье-то имя, которое нахально срывал с моих губ проказный ветер, унося его куда-то ввысь. Чье это было имя? Я не знаю его и даже никогда не слышала. Но зачем тогда я его произношу? Для кого? Вокруг ведь тишина, да и если бы я хотела кого-то позвать, тогда должна ранее знать этого человека. Но странно здесь даже не это, а то, что я не могу прекратить называть его.

Все перед глазами было мертво, и только это пшеничное поле, уводящее меня все дальше и дальше от страшного дома, из окон которого на меня смотрели десятки чужих глаз, ни разу не двинувшись в сторону. Мои босые ноги больно протыкали острые камни, впиваясь в ступни все сильнее, но я не чувствовала эту боль. Меня точно и не существовало в этом обездоленном, незнакомом мне мире.

Среди густых зарослей леса, что встали передо мной непреступной стеной, я увидела хрупкую тень, черные руки которой были обвиты какими-то корнями, торчащими из земли. Я хотела притронуться к ней, что-то спросить, но эта тень смотрела сквозь меня, точно вовсе не замечая. Позади я почувствовала чье-то легкое, почти невесомое прикосновение, но когда я обернулась, увидела перед собой лишь тот страшный дом, полностью охваченный яростным огнем. Тогда все эмоции возродились во мне разом. Дикий крик вырвался из моей груди, но и он был подхвачен ветром, так и замерев где-то там, в высоте. Внезапно руки мои охватила страшная боль, покотившая по всему телу. Боль, исходящую от горящих рук, я чувствовала как ничто иное в этом немом, не умеющем чувствовать, мире. Спустя секунду все тело мое было охвачено огнем, который жадно пожирал каждый локон моих светлых волос. Тень, прикованная к земле, наконец-то заметила меня, позвав меня по имени.

– Люси, вставай. Нам скоро пора выезжать, – прозвучал тихий голос мамы. – Давай, вставай. Завтрак терпеливо ждет тебя внизу.

Неохотно открыв глаза, я лениво поднялась с кровати. Мне не хотелось никуда ехать, но от меня ничего и не зависело. Сама идея переезда меня не очень-то воодушевляла. Но если родители сказали, что это важно, значит, послушаться я не могу... снова

Надев свои любимые голубые шорты с глубокими карманами и желтую футболку с причудливым розовым единорогом, я убрала в своей комнате. А после взглянула на себя в старенькое зеркало во весь рост и подхватила с пола огромный портфель с моими любимыми вещами, с которыми я не решусь расстаться даже спустя годы. Едва таща его, я спустилась на первый этаж. Родители были уже в сборе, но терпеливо ждали меня.

– Вот и ты, соня, – шутливо отозвался папа, складывая посуду в картонные коробки. – Чуть не проспала наш переезд.

– А может, это было бы хорошо, – недовольно ответив ему, я принялась за поедание пончиков с соком.

– Но ты же понимаешь, что это необходимо. Мы бы тоже хотели здесь остаться, но мы не можем. – Проверяя коробки с вещами, мама с надеждой посмотрела на меня. – Пожалуйста, Люси. Там будет хорошо. Вот увидишь! Заведешь новых друзей, пойдешь в новую школу. Все будет даже лучше, чем здесь. Спокойный городок с хорошими, а самое главное – простыми людьми.

– Раз с простыми, то ладно, – едва слышно отозвалась я, подставив грязный стакан из-под сока под холодную струю воды.

Дорога была для меня утомительна. Целых три часа до нашего нового дома. Интересно, как он выглядит? Родители говорят, что он хороший и очень уютный. Переживать и беспокоиться незачем. Но я почему-то все же думаю об этом. Будет ли это место для меня настоящим домом? Мы часто переезжаем из-за того, что родителям каждый раз предлагают новую работу в новом городе. Я устала от этого и уже хочу наконец-то обзавестись своим домом, в котором мы с родителями будем счастливы. Надеюсь, новый дом станет для нас по-настоящему домом, а не очередным гостевым домиком. Но, если честно, я уже готова снова собирать свой рюкзак.

В дороге я нашла лишь одно утешение для себя, которое всегда помогало мне даже в самых сложных жизненных ситуациях, запечатленное на хорошо пахнущих книжных страницах, жизнь на которых всегда меня по-настоящему увлекала, давала возможность забыться, стать счастливой и действительно свободной от душераздирающего несчастья. А ведь и радоваться-то мне было нечему. Одно и то же каждый раз. Родители не перестают надеяться на что-то, я же давно с этим смирилась. Плохо это, наверное.

Прочитав новую книгу почти до половины, я оставила ее, вложив красивую переливающуюся закладку. Это все, что осталось у меня от одной хорошей подруги, с которой я часто проводила время. Только закладка для книги, и все. А что я еще жду от мимолетной дружбы? Потом я выброшу эту вещичку, забуду о той, что подарила мне ее, заведу новую подругу, а там – все по привычному кругу.

Я и не заметила, как мы приехали. Родители радостно обсуждали нашу новую жизнь, уже строя планы на будущее, а я лишь молча наблюдала из окна машины, холодно осматривая наши новые окрестности, отделенные маленьким стареньким ржавым забором. Он действительно был таким маленьким, что заметить его было очень сложно. Да и эти заросли травяного леса поглотили его, надежно спрятав от глаз. Наверное, где-то от забора вообще ничего не осталось. Я уже терпеть не могу этот дом. Как и всегда.

Миновав большое пшеничное поле, мы выехали на каменистую дорогу, ведущую к огромному зданию. Это был старый дом с пыльными окнами, едва развалившимися стенами, огромными фермерскими владениями и необычными цветами, которые почему-то меня взволновали. В какой-то момент по спине пробежала ледяная дрожь, тревогой зарывшись в клеточках моего головного мозга, диктуя самые невероятные вещи, в которые было сложно поверить.

Это был тот самый дом, то самое пшеничное поле, которое пришло ко мне в недавнем кошмаре. Не знаю, что обычно бывает в таких домах, но обитать в них кто-то точно должен. Приведение? А может, сразу несколько? Точно, я *терпеть не могу* эту развалюху!

Припарковав машину во дворе, папа торжественно сообщил о том, что мы добрались до нашего пункта назначения. Родители поспешили выпрыгнуть из машины, начав восторженно рассматривать дом. Я лишь неохотно и даже как-то с опаской взглянула на него. С первого взгляда мне не понравился этот мир, выдуманный кем-то из самых страшных существ на земле. Брр!.. Нелегко мне придется ужитья здесь. Радует сердце то, что мы точно здесь ненадолго. Остается только дожидаться звонка от нового работодателя, а там – да здравствует новый город, новый дом! Впервые я хочу переехать, причем как можно скорее.

Перетащив вещи в холл дома, мы поднялись на третий этаж, чтобы осмотреть комнаты. Их здесь было три, и все они были огромными, старыми и пыльными. Мне досталась небольшая комната с огромным окном, вид из которого открывался просто невероятный, но все это было

не тем, что я бы хотела увидеть в своем новом доме. Здесь было слишком много фальши, которая насмешливо ждала, когда же можно будет уступить место кошмарному настоящему.

Все здесь было старо и пыльно, отчего мне невольно становилось неуютно. Разве можно нормально себя чувствовать в такой-то громадине? Вряд ли, но выбирать сейчас не приходится. Родители были рады этой покупке, и, быть может, мне тоже следует хотя бы показать свою радость, чтобы не расстраивать их в который раз?... Но это будет непросто. Однако постараться можно. Что ж, мультяшная улыбка от ушей готова. Только бы родители поверили ей.

– Ну, мебель нам привезут через пару дней, – присев на мою *временную* кровать, папа с улыбкой посмотрел на меня, – а пока пользуемся тем, что есть. Смотри, Люси, да и эта мебель не такая плохая. Ты ведь любишь музеи. А этот дом – как две капли воды с самым настоящим музеем.

– Ну как тебе дом, Люси? – с нетерпением спросила мама, прожигая меня наивным взглядом; она ожидала чего-то хорошего, подбадривающего с моей стороны, чего не так редко можно было получить в ответ.

– Хорошо, мам! – Как можно правдоподобней улыбнулась я, пытаюсь быть хоть чуточку искренней; сейчас нельзя было расстраивать ее. – Думаю, все будет отлично в этом городе, да и в этом доме тоже.

В моем голосе чувствовался какой-то упадок эмоционального состояния, когда я сказала про дом, что отлично уловила мама.

– Да не беспокойся ты! Привыкнешь и к этому дому. Вот увидишь! – пыталась подбодрить меня она, едва приобняв за плечи. – Не через такое проходили мы вместе?! Теперь же все будет отлично! Я это точно знаю. Не хмурься только, а то духа дома спугнешь.

– Ну мам?! Я же давно не ребенок и в эти сказки не верю! Хватит?!

– Ладно. Отдыхай пока, осмотришь здесь.

Не знаю, смогу ли я привыкнуть к этому дому. Каждый его уголок навевает на меня неприятные мысли и чувства, едва не падающие в отчаяние и тревогу.

Дух дома? Ох, конечно! В этом доме он точно обитает, да только не я его спугну, а он меня, причем так, что я больше даже не пошевелюсь в сторону этой развалины.

Глава 4. Долгожданная встреча

Проснулась я на рассвете. В это время родители еще спят. Я не спешила вставать с кровати, но какой-то странный звук со стороны улицы привлек меня. Это было похоже на то, словно кто-то бросил камень о стену, причем звук был живой, отчетливый, отлично привлекающий внимание.

Поднявшись с кровати, я выглянула из окна, пытаюсь разглядеть местного разбойника, который хотел снова увидеть меня, показать что-то интересное. Но внизу никого не было. Обычно о стену бросает камень Хосе, зовя меня погулять немного по пшеничному полю. И когда я увидела только пустоту вместо моего друга, тоска бросилась на меня, взяв в прочный плен, из которого было сложно выбраться, да и сейчас я сопротивляться больше не могла.

Однако там, вдали, где заканчивалось пшеничное поле, начинался массивный лес, я чудом заметила тонкую фигуру. Я была уверена: она махала мне рукой, зывала в лес. Тогда что-то во мне перевернулось, и я была точно уверена, что видела. Езеф! Это был он!

Бросившись вниз, я задыхалась от собственного волнения, не могла поверить, как брат действительно нашелся и зовет меня, чтобы показать что-то фантастическое. Возможно, убежище, в котором он пережил ту страшную грозу. И я бы выскочила из дома в одну секунду, если бы папа не встретился мне на пути.

– Солнце едва поднялось. Куда ты так рано, Ханна? – настороженно спросил он, зевая.

– Езеф зовет меня там, у леса. Папа, почему вы с мамой не разбудили меня ночью, не сказали, что его нашли? Я ведь волновалась. Хорошо, что сейчас все в порядке, – восторженно сообщила я, но в ответ получила укорительный взгляд.

Сев в кресло, папа опустил голову, опустив глаза в пол. Я видела, как его руки дрожали, как он пытался сжать руки в кулаки, чтобы унять эту презренную дрожь.

– Езеф зовет? Ты заигралась, Ханна. Я понимаю, ты любишь брата и скучаешь по нему, но не надо делать вид, будто он с нами. Прости, дочка. Я просто устал и не могу больше терпеть все это. Дом... Этот дом все уничтожил в нашей семье?! Понимаешь? Твоя мама верила, что все наладится, но ничего нельзя сделать. – Папа словно проснулся, замолчал, поднял на меня свои опустошенные глаза, под которыми сидели два бошущих синяка. Закрыв глаза, он тяжело вздохнул и запрокинул голову. Затем прозвучал его ровный голос: – Езеф зовет тебя, Ханна, беги к нему. Он соскучился по тебе.

Я не знала, что мне стоит сказать ему в ответ. Я никогда не видела его таким печальным. Езеф. Мы были больны им. Эту болезнь не излечить, даже не ослабить. Мы можем только принять эту болезнь, не пытаться с ней бороться. Только сейчас я понимаю это. Но почему-то сердце мое бешено стучит, говоря, что все хорошо.

Что за болезнь это была? Печаль? Тоска? Сомнения? Нет, все слишком просто и однобоко. И пока я не увижусь с братом, ничего больше не хочу слышать, не хочу даже видеть! Пусть папа и говорит все это, я не верю, что его слова реальны. Он устал после пропажи Езефа, впервые был жертвой отчаяния и жестоких обстоятельств. Ему нужно отдохнуть, а эти слова нельзя воспринимать всерьез. Лишь бы наша семья смогла вернуться в прежнюю реальность.

– Отдохни, папочка. Просто немного поспи. Я беспокоюсь о тебе.

Но он ничего не сказал, как будто пытаюсь меня не слышать. Нужно просто оставить его в покое. Да, так будет гораздо лучше.

На улице было жарко. Солнце безжалостно слепило мои глаза, которые уже привыкли к домашнему сумраку. Покой и тишина мягкой пеленой покрывали землю, насыщая воздух пряными нотками, от которых слегка кружилась голова.

Скрытая тревога поселилась в стенах нашего дома, но я не могу понять, что она такое и где зародилась. Смотря на дом, мне становится жутко. Он *пугает* меня. Но откуда этот страх? Он словно смотрит на меня из этих огромных окон, не спуская глаз. Сердце сжимается. Не могу больше находиться здесь.

Я без оглядки бросилась в сторону леса, туда, где я видела Езефа. Только бы снова увидеть его, моего дорогого брата.

Лесная дорога вводила меня все глубже. Этому лесу очень много лет. Он видел все, что происходило здесь еще до строительства нашего дома. Как-то бабушка рассказывала мне, что здесь теряется любой, а если и найдешь потом путь обратно, то не выйдешь уже там, откуда зашел. Но я часто гуляла в нем и всегда возвращалась домой. Так легенда бабушки стала для меня байкой, которую я воспринимала как сказку, придуманную ею специально, ведь бабушки любят придумывать различные истории, чтобы сделать жизнь своих внуков сказочной, а где-то – фантастической, чтобы уберечь их от глупых поступков.

Однако люди опасаются этого леса, никогда не ходят сюда. Но мне всегда было интересно то, почему же все его так сторонятся. У каждого были свои истории о нем, не внушающие доверия. Каждый был уверен, что в этом лесу живет зло. Но что это было за зло, никто не мог сказать. Некоторые дети, например, такие, как я, любили ходить сюда, чтобы погулять и узнать о том, что он скрывает. Все из нас, кто был в нем, вернулись, кроме Езефа. Карл и Хосе, давние друзья моего брата, тоже любили этот лес. У каждого свои страхи? А причина не ходить в этот лес основана как раз на них? Возможно, сложно это отрицать. Но бабушка не рассказывала мне ужасные истории, она лишь уважала это место и просила меня всегда быть честной и справедливой. Интересно, получилось ли у меня быть такой?

Огибая колючие ветви старых деревьев, я вышла к реке, к которой всегда любила ходить. Присев на свой любимый камень, я подставила руки под чистую, прохладную воду, чтобы умыть лицо. Свежесть кольнула все мое тело. Шум реки был таким сильным, что заглушал все мирские звуки. Не было слышно даже пения птиц, которых в этом месте всегда водится очень много. Мелкие речные камушки под моими ногами выглядели красиво и как-то необычно. Я часто смотрю на них, каждый раз удивляясь такой красоте. Бабушка учила меня ценить все прекрасное с самого раннего детства. Возможно, поэтому я и воспринимаю каждый камушек так благоговейно. Благодаря ей я могу часами наблюдать за тем, как бежит прозрачная вода в реке, как играют на ней солнечны зайчики, как они скачут кругом, беззаботно переговариваясь о чем-то.

На минуту закрыв глаза, я представляла, как сейчас, вернувшись домой, я увижу брата, который давно ждал меня у дома. Он снова мне улыбнется, позовет играть. Мы часто играли с ним в лото, которое было подарено нам еще дедушкой. Чудесная игра, хоть и кажется Езефу скучной. Но ради меня он готов даже на такой подвиг, ведь он – мой любимый заботливый брат.

По телу пробежал холодок, когда моих ног коснулся какой-то предмет. Это была фляжка с водой, которую Езеф всегда носил с собой. Судорожно подняв ее, я долго озиралась по сторонам, пытаюсь найти глазами брата. У реки я была одна. Но что-то подсказывало мне, что рядом должен был кто-то быть.

Не теряя минуты времени, я начала звать брата, надеясь, что он скоро отзовется. Значит, он решил сыграть со мной в очередную игру, в которой я должна была его найти. Забавно, хоть и немного жутко играть в прятки после того, что с нами произошло. Однако брата я точно смогу найти. Далеко от меня он не мог уйти.

Но стоило мне обернуться, как я споткнулась. Повалившись на мокрую от дождя землю, я больно поранила руку и едва смогла сдержать крик. По ладони скользнула красная дорожка, блестя на солнце.

Лишь спустя минуту я заметила кого-то. Но вот не могла понять, снится ли мне это. Это был брат, но все было в нем не таким, как обычно. Его тело было таким бледным, что я легко могла увидеть его выпирающие синие вены, паутиной обматывающие его тело изнутри. Левая нога была вывернута в обратную сторону. На волосах висела тина и всякий речной мусор. Руки были сплошь покрыты рваными ранами и синяками. На лице не было ни единой эмоции, а в глазах зияла одна только пустота, белесая пустота слепца.

Он молча смотрел на меня, словно видел впервые в жизни. Сердце мое колотилось. Мой брат... Я не уверена, что это был он. Но глаза точно твердили, что передо мной стоял Езеф. Но как это стоило объяснить сердцу, которое всячески отрицало этот факт?

– Езеф, – тихо назвала я его имя, пытаюсь сокрыть страх в голосе, – ч-что с тобой случилось? Г-где ты б-был? Я волновалась за т-тебя. Мы в-все волнуемся. – Ни одна скула на его лице не дернулась. Впервые мне хотелось убежать от него, поскольку в голову забрались самые страшные мысли, которые могли только посетить меня. – Идем домой. Да! Домой! Мама и папа будут рады увидеть тебя! Идем же?!

Но тело, стоящее передо мной, не шелохнулось. И тогда, когда я потянулась к нему, чтобы дотронуться, ледяная скользкая рука схватила меня за запястье. Обветренные губы Езефа были плотно сжаты, а глаза бегали в разные стороны, точно пытаюсь вырваться из этого белого плена, в котором внезапно оказались.

Езеф наклонился ко мне, как будто пытаюсь понять, кто сейчас находился перед ним. И когда он понял, вспомнил обо мне, раздался его клокочущий голос:

– Ханни, я же просил тебя оставаться в шалаше. Зачем ты вышла? Гроза еще не закончилась. В лесу опасно.

Меня словно окунули в ледяную воду. Я совсем не понимала, что сейчас со мной происходило.

– Но гроза закончилась, Езеф. Давно.

Брат нахмурился, отступил назад, а после покачал головой, отрицая мои слова.

– Нет. Ты не видишь? Гроза очень сильно разошлась. Ты пострадаешь. Не надо было идти сюда, за мной. Уходи, Ханни! Ты еще успеешь пройти назад. Поторопись, пока он не увидел. – Толкнув меня, Езеф убежал в сторону мрачных зарослей, что-то шепча себе под нос. И тогда, когда я осталась одна, впервые поверила в легенды, которые люди собирали повсюду об этом лесу. Бабушка, так ты не обманывала меня все это время?

Бросившись из леса, скоро я оказалась на привычном пшеничном поле. Лес был позади. Успела ли я выйти вовремя, как и говорил он? Надеюсь на это. Но как понять, что я опоздала? Как это узнать?

В доме раздался выстрел, еще один. А затем тишина накрыла собой весь тот мир, в котором я жила со своей семьей. Что-то со стороны пшеницы приближалось ко мне и скоро вспыхнуло прямо у меня перед лицом. Это было все, что я помнила о себе, пока была жива.

Глава 5. Живые стены

Здесь было до жути скучно. Старый грозный дом, поле и лес. Ничего, что могло бы заинтересовать меня. По сравнению с теми городами, в которых я успела пожить, это место было самым никчемным. Сам город находился в часе езды отсюда. А кроме нас здесь, вдали от города, никого не было даже в помине.

Смирившись со своим положением, я зашла в очередную комнату. Это была библиотека. Она была полностью завалена старыми книгами. Интересно, кому они раньше принадлежали? Одна книжка, лежащая на письменном столе, у окна, привлекла мое внимание. Она была невероятно толстой. Красивая фиолетовая обложка таинственно сияла на лучах солнца. Подняв ее, я стряхнула с обложки многолетнюю пыль, открыв на первой попавшейся странице. Как выяснилось позже, это была не книга, а альбом со старыми фотографиями. Мне стало интересно, и я сунула ее себе под кофту, чтобы никто из родителей не увидел ее. Они не очень-то любят, когда я смотрю чужие вещи, тем более – память о каких-то людях, которые, между прочим, могли жить до нас в этом жутком доме.

Найди этот альбом мама, он мигом бы отправился в костер или мусорный мешок. Но я всегда изучаю то, что подвернулось мне под руку. А в этой громадине найти что-то старинное и при этом не изучить – греховное дело. Это сокровище точно нельзя никому показывать.

Поспешив в свою новую комнату, я едва не сбила с ног одного из рабочих, который клеил обои в коридоре. Извинившись, я мигом закрыла за собой дверь. Интерес пожирал меня, и я не могла его утихомирить. Тогда я забралась под кровать, включила свой фонарик, чтобы никто не смог увидеть, что я читаю что-то из этого дома.

Открыв находку на первой странице, я внимательно начала рассматривать фотографию. На ней была изображена супружеская пара на фоне нашего нового дома. Слева от фотографии была сделана надпись красивым маленьким почерком *«Новая жизнь началась. Надеюсь, в новом доме она станет счастливой»*. Далее следовала другая фотография с мужчиной, который занимался выращиванием пшеницы. Позади него стоял этот же кошмарный темный лес, в который я пообещала не заглядывать. И что-то в темноте фотографии мне почудилось, как будто кто-то там, со стороны мрачного леса, стоит среди кустов. Вот только я не смогла четко рассмотреть фигуру. Одно черное пятно, которое значительно выделялось на фоне черноты природы.

Я бы так и продолжала рассматривать остальные фотографии, если бы в мою дверь не постучали. От этого стука я вздрогнула, испугавшись так, словно я была воришкой, забравшимся в чужой дом, чтобы что-то выкрасть. Но скоро раздался голос мамы, которая позвала меня во двор.

– А можно немного попозже? Я просто... Я просто занята сейчас. – Я искренне надеялась, что мама оставит меня наедине, но как было глупо это осознавать. Она никогда не оставляла меня одну, и в этот момент я почему-то об этом забыла.

Передо мной была фотография милой женщины в легком цветастом платье и соломенной миниатюрной шляпке с широкой голубой лентой. Она улыбалась, наклонившись над лилиями, которые красиво и безмятежно стремились к небу. Но стоило мне только присмотреться к земле, из которой торчало что-то неестественное и пугающее, как фотоальбом взлетел и мигом захлопнулся.

– И где ты нашла это? Люси, ты же знаешь, что мы *не трогаем* вещи, принадлежащие прошлой семье. Забыла о главном правиле? Ну, Люси, так где ты его взяла?

– В библиотеке, – неохотно сдала я это прекрасное место, в котором еще могли остаться не менее интересные предметы, хранящие память о прошлых хозяевах. – Что ты собираешься сделать с этой книгой?

– Так, в библиотеке, значит. Отлично. Надо запереть ее пока. Доберемся до нее, обязательно разберем. А *книжка* твоя направится в мусорный пакет. Нельзя подбирать чужие вещи, тем более – семейные.

– Но альбом уже никому не нужен. Если его оставили здесь, то явно с целью, чтобы кто-то сохранил память о людях, которые здесь жили. Разве не так?

– Нет?! Это не будем мы обсуждать, Люси. Я же сотню раз говорила тебе об этом. Пора немного начать слушать меня. Договорились?

– Да, мама, договорились. Все, как ты хочешь.

– Я ведь только ради тебя это делаю, Люси. Ладно, раз мы нашли общий язык, помоги мне в саду. Хорошо?

Я только кивнула и поплелась следом за мамой.

Она всегда говорит мне, что вещи в чужом доме трогать нельзя. Якобы, когда трогаешь их, то лезешь в душу того человека, который раньше жил здесь. А если он умер, то таким способом тревожишь его упокоенную душу. Сама же я не знаю, правда это была или нет, но за все эти годы я устала следовать правилам, жить за стеной, за которой – настоящая, интересная жизнь.

Честно говоря, за свою, пока еще короткую, жизнь я еще ни разу не услышала, чтобы она упомянула *мои* вещи или *наши* вещи. Все здесь чужое. Дом чужой. Жизнь чужая. Когда-нибудь что-то станет *нашим*? *Моим*? Мне этого очень сильно не хватает. Но как намекнуть, сказать ей об этом, чтобы она поняла меня, мои чувства? Сложно говорить с человеком, который находится с тобой на другом полюсе и не слышит то, что говоришь ты, потому что он во все горло кричит, устанавливает свои требования и порядки.

– Ну как думаешь, Люси? Оставить эти лилии или же убрать? Можем посадить на их месте клубнику, которую ты так любишь. Будет радость выходить на улицу только ради этого. Ну, что скажешь?

– Я бы убрала эти цветы. Не люблю лилии, да и эти какие-то жуткие. Сразу мне не понравились.

– Жуткие?! – Мама широко улыбнулась. – Неужели они пугают тебя? Это просто цветы, Люси. Но если ты хочешь избавиться от них, то мы это с тобой сделаем.

– Цветы. Простые цветы, – я как будто для себя это сказала, пытаюсь себя в этом убедить.

– Да что с тобой? Ладно, давай приступим. Времени у нас до ужина не так много, но мы успеем.

Около часа мы избавлялись от этих мерзких цветов, вырывая их с корнем. Когда касаешься их, то в воздухе витает такой мерзкий запах. Не знаю, на что он похож, но такое чувство, словно что-то протухло. Меня уже начало тошнить от этого запаха. Мама словно не замечала его, просто отмахиваясь от моих замечаний по поводу запаха, говоря, что я просто выдумываю, чтобы слинять от работы. Но я была серьезна, когда говорила ей об этом, но она снова меня не слушала. Легко родителям не слушать своих детей, да? Так вот, моя мама занимает в этой лиге первое лидирующее место.

Когда мы вырвали последние цветы, то радостно воскликнули о победе. Пospешив домой, чтобы приготовить ужин, мама скоро исчезла за дверью дома. Поднявшись на ноги, я выпрямила спину, чтобы несносная боль в ней наконец-то утихомирилась. Когда же я взглянула на дом, то мне в какой-то момент показалось, словно он смотрит на меня. Не знаю, почему я так решила, но я серьезно чувствовала какой-то грузный взгляд, который пристально наблюдал за мной, словно за самым страшным врагом. Чувство опасности не давало мне покоя. Тогда я лишь взмахнула головой, чтобы избавиться от своих страшных мыслей и поспешила зайти внутрь дома. Мне нужно было просто хорошенько отдохнуть.

Приняв ванну, я направилась в свою комнату, чтобы переодеться в чистое. Войдя в комнату, я увидела, как вся мебель была поднята вверх тормашками. Там, на потолке, на кровати, сидела девочка. Она тихо плакала, подставив под лицо ладони. А это джинсовое платье было местами сожжено, покрыто грязью и мелкими травинками. На ее светлых волосах сидели два маленьких синих бантика. Они красиво собирали ее тонкие волосы в маленькие короткие хвостики.

Голова моя закружилась в тот момент, когда девочка что-то начала нашептывать. Я не знала, где нахожусь и как я сюда попала. Эта комната... Что с ней? Почему все на потолке? Кто эта девочка и что она здесь делает? Перед глазами все шло кругом.

Я бы так и была в этом плену, если бы сзади не почувствовалась холодная рука. Это была мама, недоуменно наблюдающая за мной.

– Что с тобой, Люси? У тебя все хорошо? – в ее голосе чувствовалась тревога. – Так сильно устала, что голова закружилась?

Ничего не понимая, я кивнула, снова заглянув в комнату. Все было на своих местах. Никакой девочки и в помине здесь не было. Я не хотела говорить об этом кому-либо, ведь никто из родителей мне не поверит, посчитав, что я снова злюсь из-за нового переезда, придумывая разные пугающие истории. И эту тайну нужно было сохранить за зубами, как я всегда и делаю.

– Не задерживайся долго. Скоро будет готов ужин. После него ты точно придешь в прежние чувства. – Я и не заметила, как снова осталась одна, но еще долго слышала мамин голос.

Непонимающе качнув головой, я закрыла глаза, чтобы потом снова взглянуть на свою комнату. Но никаких изменений в ней снова не было. Облегченно вздохнув, я достала из шкафа джинсы и футболку. Необходимо было переодеться во что-то домашнее, главное – чистое и приятно пахнущее порошком.

После я не могла не заглянуть в зеркало, стоящее у стены. Оно было во весь мой рост. Такое овальное, с серебряной кромкой. Взяв расческу, я принялась расчесывать свои непослушные волосы, не сводя глаз с себя. В голове гудел рой пчел, и мысли мои переплетались друг с другом. Внезапно что-то капнуло на пол. Это привлекло меня, и я опустила голову, чтобы увидеть, что же отвлекло мое внимание. Но пол был сухой и чистый. Ничего. Может, показалось. Да, скорей всего. Как же я хочу еже завалиться на кровать и закрыть глаза, а распахнуть их только на следующее утро.

Оставив свои мысли позади, я вновь подняла голову к зеркалу. Расческа выпала из рук. По моему лицу стекали кровавые линии, сползая вниз, глухо падая на пол. Дотронувшись до лица, я не понимала происходящее. Со мной все было нормально. Никакой крови на лице не было. Сердце ушло в пятки. Я не могла больше находиться в своей комнате, поэтому выбежала из нее, снова столкнувшись с тем же рабочим, который продолжал клеить обои. Снова небрежно извинившись, я бросилась вниз, в столовую, где уже меня ждали родители.

Мне причудилось все это? Или же я попала в очередную ловушку? Нет! Как такое возможно. Срочно нужно рассказать об этом кому-то. Я больше просто не в силах молчать о том, что со мной происходит. Если раньше я и могла умолчать о своих тревогах, сомнениях, то сейчас я просто не могу. Пожалуйста, услышьте же меня?!

– А я уже хотел идти за тобой, – сев за стол, папа шутливо мне улыбнулся, – а то снова бы проспала ужин. Так ведь уже было много раз. – Ему хватило небольших усилий, чтобы понять, что со мной не все было в норме. – Люси, что случилось? Выглядишь напуганной.

– Я... я столкнулась с одним из рабочих, который клеил обои в коридоре. – И почему я только опять замолчала, когда вот-вот была готова обо всем им рассказать? Я ведь действительно могла это сделать без каких-то сомнений, но мой язык точно не слушался меня и заставлял говорить не то, что мне хотелось произнести. Я снова была одна, и уже ничего не могла с этим сделать, только терпеть, надеяться, что ничего больше со мной не произойдет из ряда вон выходящего. Стоит только надеяться.

Лица родителей побледнели. Переглянувшись с папой, мама трепетно посмотрела на меня:

– Но, Люси, в доме нет никаких рабочих. Мы их просто не нанимали. Ты же знаешь, что мы никогда не привлекаем к обстановке родного дома кого-то чужого. Ты уверена, что с тобой все в порядке? – Ее слова меня поддержали.

– Но я же видела. Они там, на третьем этаже. – Я считала, что они разыгрывают меня, поэтому, схватив за руку папу, я потащила его на третий этаж, чтобы доказать свою правоту.

Он без колебаний шел за мной, переглядываясь с мамой, которая шла следом за нами. Когда мы достигли третьего этажа, я торжественно махнула рукой в ту сторону, где был рабочий, клеющий некрасивые обои в ромбик.

– Видишь, Люси. Пусто. Ты снова все придумала. – Скрестив руки на груди, папа тяжело посмотрел на меня, осуждая. – Я понимаю, что ты не хотела переезжать, но пора смириться, ты ведь уже не маленькая.

Но я отчетливо видела рабочего в стареньком комбинезоне. Он продолжал клеить обои, не замечая нас. Где-то я видела его уже сегодня. Но не могу вспомнить, где именно я с ним встречалась. Странно, что он не обращает на нас внимание. Нет, странно было то, что я одна видела его.

Когда я подошла к нему поближе, чтобы прикоснуться, убедиться в собственном зрении, в своих словах, человек замер, озираясь по сторонам. Он что-то почувствовал, но не понимал, кто находится рядом с ним в одном коридоре. И когда моя рука лихорадочно задрожала, человек медленным шагом направился в сторону комнаты моих родителей. Его рот то открывался, то закрывался. Было видно, что он что-то говорил, но слова его совершенно не были слышны. И тогда я проследовала за ним, не обращая внимания на слова родителей. Приоткрыв дверь в их комнату, я увидела лишь пустоту. Никого. Как и должно быть в нормальном доме самой обычной семьи.

За ужином все молчали. Мама неодобрительно, с укором, смотрела на меня. Не зная, что сказать, я молча жевала жареную курицу.

– Завтра все будет по-новому. В школе найдешь хороших друзей, перестанешь думать о плохом, придумывать призраков. – Подмигнув мне, папа попытался разрядить обстановку. – Такое иногда бывает. Тем более ты не виновата, Люси. Из-за частых переездов некоторые и не такое видят. Но я уверен, это у тебя пройдет. Этот дом станет настоящим *домом*. Нужно только немного потерпеть, привыкнуть.

– Завтра я подвезу тебя до школы. Все равно в одну сторону. – Зарядившись папиным настроением, мама легко потрепала меня по голове. – Только не забудь, что в 7:00 мы уже должны быть в сборе. Хорошо, Люси?

– Да, мама. Я буду готова к этому времени, – это словно сказала не я.

Глава 6. Новая школа

Мне было страшно спать в этой кровати, учитывая все события, которые недавно произошли со мной. Чувство опасности я не могла опровергать, отбросив на второй план. Оно существовало совсем рядом, настолько рядом, что веки мои дрожали от страха. Я не знала, откуда появилась угроза и как от нее спрятаться. Все, что я могла сделать, было моей надеждой думать, что кровать спасет меня от скрытой угрозы. Я всегда так делала, всегда пряталась под кроватью. С самого своего раннего детства я бежала в свою комнату, чтобы залезть под кровать и замереть так, чтобы даже мое дыхание никто не смог уловить. Не дышать... Виски мои сжимало от страха. Я не знала, как долго смогу продержаться в этом месте, рядом с этим страхом. Скорей бы... скорей бы наступило утро.

– Люси, ты что под кроватью делаешь? Неужели не повзрослела еще? – Голос мамы разбудил меня. – Выбирайся. У тебя осталось тридцать минут на сборы. Позже поговорим насчет твоих посиделок под кроватью.

Неохотно вылезая из-под кровати, я болезненно посмотрела на часы. Боже, как же рано. Из-за того, что этот проклятый дом находится на краю света, мне придется так постоянно вставать на занятия. Это был вверх моих сил. Глаза закрывались. Ноги были точно ватные. Но деваться было некуда.

Направившись в ванную комнату, что была на втором этаже, я не заметила на своем пути папу, который точно как и я сонливо покидал дом, собираясь на работу. Только он мог понять меня. Только он мог почувствовать ту тяжесть, которую ощущаю я с каждым переездом. Ему тоже не нравились эти идеи с переездом, хоть он и скрывал это от мамы. С ее странным характером, который мог измениться через секунду, было сложно спорить, да и он не хотел. У него в голове даже таких мыслей никогда не возникало. Тяжело, наверное, притворяться. Или же я снова начинаю себя накручивать из-за таких пустяков их совместной жизни. Пустяков. Да, надеюсь, это действительно пустяки.

Завтрак меня несколько сегодня не манил. Есть просто не хотелось. С трудом объяснив это маме, я поспешила сесть в машину, чтобы уже наконец-то отправиться в город. Мы не проезжали мимо него, поэтому я не видела то, как он выглядит, даже не представляла, какой вид он мог бы иметь. Но мне очень хочется верить, что этот городок в тысячу раз лучше прежних, как и обещала мне мама. Она всегда обещает, и как же хочется уже, чтобы ее слова подтвердились.

– Первый день в очередной новой школе. Я знаю, Люси, как тебе тяжело каждый раз прощаться со старой, а затем еще с одной, но это только ради тебя, твоего будущего. Мне тоже непросто приходится, но пойми, эти переезды важны для нас всех. Возможно, сейчас ты это не понимаешь, но и это со временем придет. Когда еще ты так активно посмотришь жизнь, сравнишь ее с уже прожитыми?

– Только чтобы сравнить? А если сравнивать толком нечего? Неделю в одном городе, две – в другом.

– Обещаю, здесь мы надолго. Твоему отцу нравится это место, этот дом. Чудесный уголок, чтобы начать все сначала. Не сердись, Люси. Лучше заведи новых друзей. Тебе с ними точно есть о чем поболтать.

Мне было всегда трудно общаться со сверстниками. Они казались мне абсолютно чужими. Такие чужие и непредсказуемые. Однако, наблюдая за ними со стороны, я, признаться, завидовала им. После занятий они собирались в парке и строили планы на выходные. Посещали кинотеатр, пляж или просто устраивали уютные домашние посиделки. Они везде были

рядом и были неразлучны. Мне никогда не приходилось испытывать это. Наверное, и не придется больше.

В одном городе до переезда сюда я познакомилась с Ненси и Виолет. Они были хорошими подругами, которые были мне особенно дороги. Каждый день мы гуляли, просто разговаривали. Мне этого раньше очень сильно не хватало. Впервые я чувствовала себя счастливой, несколько свободной. Однако спустя год мы покинули тот город, отправившись сюда, в этот страшный дом. Мне было сложно прощаться с подругами, сложно было объяснить им, что я уезжаю. Тогда они сказали мне, что будут ждать меня снова. Будут ждать. Вернусь ли я когда-то снова? Очень бы хотелось в это верить. Да вот только от Виолет у меня осталась эта дурацкая закладка для книги. И все. Ничего больше, что могло бы рассказать мне о нашей крепкой дружбе, которую я должна была бросить ради *будущего* нашей семьи, в которое я давно не входила.

– Ну что ты такая грозная? Люси, жизнь не заканчивается после переезда. Нам с папой тоже очень тяжело, поверь. Но нельзя принимать все как смертный приговор. Живи и радуйся, Люси. Жизнь дана только раз. Не омрачай ее пустяками.

Возможно, мама и права насчет этого. Но мне не хватает одной вещицы для счастья. Это очень простая вещь, но без нее мне плохо. *Семья*. Да, формально она у меня есть, но живу я с таким чувством, словно я лишена ее. Родители постоянно работают, а если они и дома, то ведут беседы только о работе и о дальнейших перспективах. Так они не замечают меня, если говорить откровенно. Но больше всего я не понимаю, зачем им говорить то, что мы счастливы, если они не знают, что это такое?

– Кстати, твои посылки под кроватью. Ты всю ночь спала так?

– Всю. Мне было не очень хорошо, и я не нашла ничего лучше, как забраться под кровать. Не говори папе, пожалуйста. Никому не говори, – сконфузилась я, надув щеки.

– Не переживай, не скажу. – Мягко улыбнулась она, подмигнув мне; впервые рядом с ней я чувствовала себя спокойно, но довериться полностью я все же еще не могла. – Если тебе было плохо, как я понимаю, не физически, ты могла прийти ко мне. Ты же знаешь, я бы выслушала тебя. Это касается твоего вчерашнего поведения?

– Да. Но я уже не хочу об этом говорить.

– Ого! А с чего такая решимость?

– Меня ведь никто не станет слушать. Вчера вы только посмеялись надо мной, но я видела того человека. Он клеил обои. Некрасивые обои в ромбик.

– Ромбик? Хм! Да ведь нет в этом доме обоев в этот злополучный ромбик. На стенах – обои с большими цветами. Знаешь, не стану отрицать то, что ты могла что-то видеть в этом доме. Он старый, многое видел, поэтому и ты могла что-то уловить из его истории. Это часто бывает, так что все в порядке, не переживай.

– А ты видела что-то подобное? – Я сама не понимала, зачем об этом спросила ее, ведь было понятно, что ничего она мне не расскажет, а все ее слова, которые она сказала про нормальность, – только ради того, чтобы успокоить меня, вот и все.

– Что-то подобное? Ну, может быть, и видела когда-то. Но в последнее время ничего необычного. И, Люси, расскажи мне в следующий раз, если ты снова что-то увидишь, хорошо?

Я кивнула. Не расскажу, даже если увижу снова что-то подобное. Просто не хочу, чтобы она снова неодобрительно смотрела на меня, а затем жалела. Не для этого я проживаю эту жизнь.

Остальной путь до школы мы молчали. Нам словно больше не было о чем-то поговорить. Вот и весь разговор с родной матерью.

Когда мы миновали широкие кукурузные, подсолнечные и пшеничные поля, вдали появился старый город. Деревянная табличка с облупленной краской гласила «*Найджел Парк*».

С первого момента знакомства с этим городом могу сказать лишь одно. Это был жуткий город, преданный отчаянию и старости. Все здесь было обветшалым. Старенькие дома выглядели уныло. Даже трава у домов здесь была какого-то тусклого цвета, словно для нее не хватило краски. Небо казалось таким далеким, нежели в каком-то другом месте. Маленькие магазины были грязными, а люди, проходившие мимо, казались маленькими и беспомощными. У меня сложилось смутное чувство по поводу Найджел Парка. Одновременно он завораживал меня, а с другой стороны вызывал отвращение, смешанное с жалостью.

Завернув за угол футбольного поля, мама припарковала машину на небольшой парковке, пристально посмотрев на меня. На ее лице красовалась улыбка, и я не могла понять, притворной ли она была на этот раз.

– Да, городок небольшой, но люди здесь дружные. Поэтому, Люси, постарайся с кем-нибудь познакомиться. Договорились?

– Да, я постараюсь. – Мне не хотелось с ней спорить, поэтому я так легко согласилась.

– Кстати, сегодня я заберу тебя чуть позже. Занятия заканчиваются в два часа. Но я приеду за тобой в четыре. Так что займись чем-нибудь полезным.

– Ага, – в знак согласия я кивнула головой, покинув машину, – я буду в библиотеке.

– Без проблем. Только держи телефон при себе. Как только я подъеду к школе, сразу же позвоню.

Я долго искала свой класс. Школа здесь была сплошь из коридоров, которые переплетались непонятной цепочкой. Кое-как огибая их, я вышла к расписанию, рядом с которым висела карта. Эх, вот было бы в ней что-то понятно.

– Ты новенькая? – послышался голос позади. – Заблудилась? В этой школе многие новички теряются.

Этот голос принадлежал светловолосому хилому пареньку с красивыми голубыми глазами. Его голос звучал неуверенно, и в нем можно было уловить сомнение и неумело скрытую неуверенность в себе.

Осторожно приблизившись к нему, я легко улыбнулась, как и советует мне всегда мама при новых знакомствах. Если честно, этот парень мне сразу понравился. В нем было что-то такое, что мгновенно отвлекло меня от моих переживаний.

– Люси Бранмаур. – Я протянула ему руку в знак знакомства, и он недоуменно посмотрел на меня. – А как зовут тебя?

– Отто Шилленгер. – На его лице было явно видно некое восхищение. – Ты из какого класса?

– Из 6 «Б».

– Ясно. – Отто искренне улыбнулся. – Мы с тобой одноклассники. – Осознавать наше с ним *соседство* было для него почему-то очень важно, и мне было непросто понять его с первого раза, но что-то притягивало меня к нему, заставляло быть ближе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.